

В заключение выпуска журнала Федерального медико-биологического агентства «Клиническая практика», отражающего работу ФГУ «Южный окружной медицинский центр ФМБА России», публикуем небольшое эссе об Антоне Павловиче Чехове. В минувшем 2010 г. нашего именитого земляка особенно часто вспоминали в связи со 150-летием со дня рождения.

Авторы этой публикации работают в «Южном окружном медицинском центре». Один из нас – хирург, принадлежащий к старшему поколению врачей, трудится рядом со своими учениками. Второй – терапевт, пытающийся создать в период разрушения догм советского здравоохранения.

Нас объединяет интерес к творчеству Чехова.

В Таганроге, на родине Антона Павловича, туристические тропы неизменно ведут к белому домику из самана на одной из тихих улиц южного города. В этом даже по сегодняшним меркам маленьком 3-комнатном доме – всего двадцать три кв. метра, жила семья купца второй гильдии Павла Егоровича Чехова, и в январе 1860 г. родился сын, ставший хорошим врачом, всемирно известным драматургом, писателем.

Сам Чехов писал о родном Таганроге: "Местоположение города прекрасное во всех отношениях, климат великолепный, плодов земных тьма, но жители инертны до чёртиков... Все музыкальны, одарены фантазией и остроумием, нервны, чувствительны, но всё это пропадает даром... Нет ни патриотов, ни дельцов, ни поэтов, ни даже приличных булочников. Ах, какие здесь женщины!"

Надеемся, что эта публикация на время перенесёт вас в чеховский мир, наполненный иронией и сердечностью, поможет найти смысл в будничной суете. И ещё – вам захочется побродить по Таганрогу, зайти в белый домик на тихой улице, гимназию, в которой учился писатель, и сравнить свои впечатления с чеховским описанием южного города.

ЧЕХОВ И МЫ

Н.А. Артёменко, И.И. Скориков

Клиническая больница № 1 ФГУ ЮОМЦ ФМБА России, Ростов-на-Дону

Чехов вновь современен. Сегодня, как и в чеховское время, разрушаются устои и традиции старого общества. Россия обновляется – деловые и предприимчивые люди выходят на первый план, вновь в «вишнёвом саду слышен стук топоров». Творчество Чехова соединило два разных времени – торжество монархии в

XIX веке и революционность XX века. Чтобы идти дальше, в XXI век, расти и развиваться, надо внимательно взглянуть в происходящее, уловить суть событий. «Толпа думает, что она всё знает и всё понимает; и чем она глупее, тем кажется шире её кругозор», – разве не о сегодняшнем «брожении умов» писал Чехов?

Что общего между нами – земским доктором Чеховым и русскими врачами XXI века? Не потеряли актуальность слова Антона Павловича о том, что «...медицина в одних случаях может значительно облегчить страдания, а в других – удлинить жизнь человеческую». Так же, как и мы, Антон Павлович задумывался над тем, как улучшить оказание медицинской помощи больным. Судя по тому, что его диссертация «Врачебное дело в России» так и не была закончена, Чехов не нашёл ответа на традиционный русский вопрос «Что делать?». Интересно было бы узнать мнение Чехова о современных реформах здравоохранения.

Антон Павлович Чехов как автор рассказов и драматург входит в жизнь русского человека ещё в школьные годы. Но вряд ли современный ребёнок, живущий в виртуальном мире компьютерных игр, будет искренне сочувствовать Ваньке Жукову, которого «хозяин... отчесал шпандырем» за то, что он, уставший, «нечаянно заснул». Сомневаемся, что в юности можно по достоинству оценить глубину и психологическую тонкость чеховских произведений, его остроумные изречения: «Краткость – сестра таланта, но мачеха гонорара», «Целовать курящую женщину всё равно, что лизать пепельницу». Врач, достигший профессионального признания, вновь достаёт с книжной полки томик Чехова, чтобы научиться видеть, а не просто смотреть, быть, а не казаться. Трудно не согласиться с А.М. Горьким, который считал, что Чехов «ось мира», «возвращающий... в твою жизнь ... ясный смысл».

В профессии врача много театрального. Двери больницы, как свет рампы, отделяют нас от домашних забот и волнений. Одеваешь, словно театральный костюм, белый халат и перестаёшь быть обычным человеком – каждый пациент ждёт от тебя чуда. Под взглядами коллег и пациентов ты как будто в лучах не прощающих фальши софитов – все видят, насколько искренне ты предан «делу, которому служишь».

П.А. Архангельский, земский врач, учивший врачеванию молодого доктора Чехова, вспоминал: «А.П. производил работу не спеша, всё он делал с вниманием и видимой любовью к делу, особенно к тому больному, который проходил через его руки. Он всегда терпеливо выслушивал больного, ни при какой усталости не повышал голоса, хотя бы больной говорил не относящееся к уяснению болезни». Многие ли врачи сегодня сохранили «чеховский стиль» в общении с пациентом? Хочется, чтобы иннова-

ционные медицинские технологии не вытеснили человеческой теплоты из отношений доктора и пациента.

В одном из воспоминаний М.П. Чехов, брат писателя, рассказывает о том, почему Антон Павлович предпочёл медицине литературу: «Сёстры и мать художника А.С. Янова в одно время заболели тифом. Молодой, ещё не опытный врач, но готовый отдать свою жизнь для выздоровления больного, А.П. целые часы проводил около своих пациенток и положительно сбивался с ног, но в один и тот же день скончались мать и одна из дочерей. Чувствуя себя совершенно бессильным и виноватым, долго ощущая на своей руке холодное рукопожатие покойницы, А.П. тогда же решил не заниматься медициной и перешёл потом на сторону литературы».

Только врач может понять чеховские строки о нашей профессии: «У врачей бывают отвратительные дни и часы, не дай Бог никому этого. Среди врачей, правда, нередко невежды и хамы, как и среди писателей, инженеров, вообще людей. Но те отвратительные часы и дни, о которых я говорю, бывают только у врачей и за сие, говоря по совести, многое простить можно».

По мнению С. Моэма, именно врачебный опыт помог А.П. Чехову показать в своих произведениях человека таким, какой он есть. «Врачебная практика пошла ему на пользу, – считал классик английской литературы, – он приобрёл знания человеческого характера. Чехов видел лучшие и худшие черты человеческой природы. Когда люди болеют, боятся за жизнь, они отбрасывают маску, которую обычно носят здоровыми. Доктор видит людей такими, какие они есть: эгоистичными, грубыми, жадными, трусливыми, но видит и мужественными, щедрыми, добрыми и благородными».

В чеховских рассказах видишь человека «без маски приличия и грима социальности, со словами и мыслями, лишёнными гражданского величия, за делами обиденными». Наш современник без атрибутов времени – компьютера и машины – мало чем отличается от «дачников» и «дам с собачками», «попрыгуний» и «душечек», уездных лекарей и учителей, о жизни которых писал Чехов. К сожалению, и сегодня не редкость эволюционное превращение молодых докторов в «ионычей» с узким кругом интересов, ограниченным «торгово-промышленной медициной».

Пожалуй, каждый может узнать себя в героях произведений Чехова, хотя сменились «де-

корации из мелочей русской жизни», описанные им профессионально и кратко, как в «истории болезни». Врачебный взгляд на жизнь, помогающий «не судить по частностям», отличать «важное от неважного», помог Антону Павловичу сделать героев своих рассказов современными для любой эпохи. Изменяются декорации на сцене жизни, но, к сожалению, и сегодня ханжество и мещанство, невежество и лицемерие играют не последние роли.

А.П. Чехов был противником однобокого восприятия мира. Его перу принадлежат строки о том, что «если человек знает учение о кровообращении, то он богат; если к тому же выучивает ещё историю религии и романс «Я помню чудное мгновенье», то становится не беднее, а богаче».

Во время прогулок по Ялте, несмотря на болезнь, Антон Павлович по-детски радовался встрече с фокусниками и клоунами. Многие современники отмечали, что Чехову нравилась музыка. Его любимой оперой была романтическая и страстная «Кармен» Бизе.

Как-то Чехов заметил: «...кто не любит цветов, детей и собак, тот – или дурак, или злой человек...». С чеховской иронией в подмосковную жизнь Мелехова медицина вошла в виде двух такс – Хины Марковны и Брома Исаевича, неизменно сопровождавших Антона Павловича во время прогулок.

И.Н. Альтшуллер, лечивший Антона Павловича в Ялте, заметил у своего пациента один из врачебных «атавизмов» – «Чехов любил писать рецепты». Исаак Наумович вспоминал: «Я старался не прописывать ему лекарств. Обычно он стоит у телефона и под мою диктовку передаёт заказ в аптеку, особенно при этом как-то отчеканивая латинские названия. Заставлял провизора повторить и прибавлял в конце: для автора, д-р Чехов».

Чехов теряет «хрестоматийный глянец», становится ближе и понятней, когда узнаёшь о его пристрастии к рыбной ловле, сбору грибов и любви к садоводству. Антон Павлович часто говорил, «что лучшие произведения русской литературы задуманы за рыбной ловлей». П.А. Сергеенко вспоминает: «Из всех городских учреждений Чехов был неизменным почитателем только одного учреждения – русской бани, где любил попариться по-русски и после бани попить чайку, покалякать с приятелем».

Многие современники отмечали целостность чеховского характера. Писатель И.Н. Потапов считал, что «душа его была соткана из

какого-то отборного материала, стойкого и не поддающегося разложению от влияния среды. Она умела вбирать в себя всё ... и из этого создавать свой мир – чеховский. В ней наряду с великодушием и скромностью жили гордость и тщеславие, рядом со справедливостью – пристрастие. Но он умел, как истинный мудрец, управлять своими слабостями, и оттого они у него приобретали характер достоинств».

По мнению одного из биографов Чехова П. Фокина, жизнь писателя была соткана из противоречий. Великий жизнелюб, он был обречён угасать годами от болезни. Мечтал написать роман – и всю жизнь сочинял рассказы и повести. С нескрываемым скепсисом относился к театру, но стал выдающимся драматургом. Рассчитывал обрести покой и уединение в деревне, но эпидемия холеры потребовала от него ежедневных разъездов и неустанных хлопот в качестве уездного доктора. Жаждал высокой любви, но «не пропускал ни одной милой дамочки». С женой предполагал жить отдельно, а когда связал себя узами брака, тяготился постоянными разлуками с О.Л. Книппер-Чеховой.

И.Н. Альтшуллер писал: «В этом сыне мелкого торговца, выросшем в нужде, было много природного аристократизма не только душевного, но и внешнего, и от всей его фигуры веяло благородством и изяществом».

В последнем письме сестре, Марии Павловне, из Германии Чехов пишет: «Ольга поехала в Фрейбург заказывать мне фланелевый костюм, здесь в Баденвейлере ни портных, ни сапожников... немецкие дамы одеваются не безвкусно, а прямо-таки гнусно... нет ни одной красивой, не обезображенной своим нарядом, безвкусица, наводящая уныние. Зато по хозяйственной части они молодцы, достигли высот, для нас недостижимых. Не чувствуется ни одной капли таланта ни в чём, ни одной капли вкуса, но зато порядок и честность, хоть отбавляй. Наша русская жизнь гораздо талантливее...».

Письма А.П. Чехова заслуживают не меньшего внимания, чем его пьесы, повести и рассказы. Каждое из них наполнено иронией, ароматом времени, интересом писателя к жизни.

По мнению писателя, Таганрог представлял собой «...странную смесь патриархальности с европейской культурой и внешним лоском». «Такая Азия, что я просто глазам не верю. 60000 жителей занимаются только тем, что едят, пьют, плодятся, а других интересов – никаких, – писал Чехов Н.А. Лейкину о пасхальных каникулах в родном городе, – Куда ни

явишься, всюду куличи, яйца, сантуриное, грудные ребята, но нигде ни газет, ни книг...»".

В одном из писем к М.М. Ковалевскому Антон Павлович сказал о желаемом им будущем для России: «чтобы... жили привольно, в трезвости и в материальном довольстве, чтобы ... было много школ и правильно поставлена была медицинская помощь».

Зинаида Гиппиус писала о феномене личности Чехова: «Слово "нормальный" точно для Чехова придумано. Нормальный провинциальный доктор, с нормальной степенью образования и культурности, он соответственно жил, соответственно любил, соответственно дару своему – писал. Даже болезнь его была ... «нормальная», и никто себе не представит, чтобы Чехов как Достоевский ... повалился перед невестой в припадке «священной» эпилепсии. Или – как Гоголь... сжёг «Чайку», «Вишнёвый сад», «Трёх сестёр» и потом умер». Своей «нормальностью» он поражал и притягивал, удивлял и озадачивал.

«Нормальным» было то, что Чехов не любил болеть и «обыкновенно тяготился визитами врачей». Лечившие Антона Павловича врачи «умели приходить к нему... под видом добрых знакомых», – вспоминала Ольга Леонардовна. Он считал, что «жить для того, чтобы умереть, вообще не забавно, но жить, зная, что умрёшь преждевременно, – уж совсем глупо...».

В посмертном дневнике-письме О.Л. Книппер-Чехова писала: «Ещё за несколько дней до твоей смерти мы говорили и мечтали о девочночке, которая должна была у нас родиться. У меня такая боль в душе, что не осталось ребёнка».

По словам А.С. Суворина, хорошо знавшего писателя, «в Чехове было что-то новое, как

будто совсем из другой жизни». «Глядя на Чехова, – признавался М.О. Меньшиков, – я часто думал: вот такими будут русские, когда они окончательно сделаются европейцами».

В прошлом году мы отпраздновали 150-летие со дня рождения именитого земляка. Похожи ли мы сегодня на «русских европейцев»? Наверное, чем больше в нас будет чеховской простоты и ясности, любви и иронии, тем быстрее мы ими станем...

Памятник А.П. Чехову в Томске

Контактная информация:

Скориков Иван Иванович – врач-уролог урологического отделения центра урологии, нефрологии, диализа и пересадки почки;
КБ №1 ФГУ ЮОМЦ ФМБА России, Ростов-на-Дону
Тел.: 8 (863) 254-11-77

Артёменко Наталья Алексеевна – врач-ревматолог, к.м.н.,
КБ №1 ФГУ ЮОМЦ ФМБА России, Ростов-на-Дону
Адрес: 344019, Ростов-на-Дону, ул. 1 линия, д.6; тел.: 8-863-237-49-43.
e-mail: n.artemenko@inbox.ru